Глава 2

— Почему ты отказался от него?

Говоря честно, я не мог понять этого.

Что, чёрт возьми, происходит?

Передо мной была Нацуми, которая ела своё домашнее бэнто с угрюмым выражением на лице. Будь то эта комната или её внешний вид, у меня было сильное воспоминание, которое нельзя было назвать совпадением.

И дело не только в этом.

Этим утром, перед походом в школу, в классе, на обеденном перерыве и в бесчисленном количестве других случаев меня атаковало дежавю, которое сильно озадачивало меня. От этого ощущения я испытал лишь головокружение, как если бы страницы моей памяти с силой переворачивали на огромной скорости.

— Это не дано? Я занял первое место только по чистой случайности. Это просто на уровне хобби.

Даже эти слова ощущались так, будто были зачитаны с подготовленного сценария и пока я не могу сказать это наверняка, я даже не чувствовал, что тем, кто произносил их был я.

Что это такое?

— Да ладно, почему ты говоришь такое, Ричи? Даже при том, что у тебя достаточно таланта для этого. И, кроме того, я, эм… Мне н-нравится та фотография, которую ты сделал, знаешь ли…?

— Если она тебя смущает, тогда вообще не говори о ней. Даже я становлюсь смущённым.

— Что!? А я потратила своё время, чтобы тебя похвалить! Теперь не отводи взгляд!!

Наш разговор продвигался, не смотря на моё беспокойство. Даже это чувствовалось странным, словно я пересматривал Драму, которую однажды видел.

Каким-то образом я знал, что Нацуми собиралась сказать после этого и даже ответ, который дам. Но это просто странно, не так ли? Это реальность, а не какая-нибудь сверка ответа из справочника, который я решал много раз, ведь так? Что это вообще такое? Что это за ситуация…

—Замолкни! Я говорю, что ты не понимаешь, как чувствовать дистанцию между людьми.

Верно, например, сразу после этого. Нацуми с готовностью попросит погладить по голове, но я буду слишком смущён для того, чтобы послушно ответить на это и разыграю её, щёлкнув по лбу.

— В любом случае поторопись и погладь меня по голове.

Видите. Это случилось, как я и предсказывал.

— Что ах тии дилаешь!

— Пфф, что за странное выражение.

— Так жестоко!

А, чёрт. Следование своей памяти вот так раздражало меня, поэтому вместо щелбана по лбу я ущипнул её за щёку, но, кажется, я её разозлил.

— Нацуми.

— Я тебя больше не знаю.

— Извини, это была моя вина.

— Хмпф!

Она отвернулась в другую сторону, надувшись, но по выражению на её лице было ясно, что она чего-то хотела.

— Я же сказал, извини.

— Ах.

В итоге, я поддался и погладил её по голове.

Это также было в моих воспоминаниях, но видя её удовлетворённое выражение, я подумал, что сделать такое было нормально. Кроме того, её волосы были приятными на ощупь, как и всегда.

— Почему остановился?

— Э, мне продолжать? Я гладил тебя уже добрых три минуты, знаешь ли?

— Д-для таких вещей время не имеет значения. Просто удовлетворяй меня как должно…

Ах, чёрт возьми. Милые вещи остаются милыми, даже если ты знаешь о них.

— На сегодня этого должно быть достаточно. В любом случае, послезавтра канун Рождества.

Это случилось, когда я сказал это.

Меня пришло атаковать наисильнейшее за последнее время чувство дежавю.

Это чувствовалось так, будто ящик с тысячью фотографий в нём насильно перевернули. Некоторые из них, которые оказались, выбраны против моей воли, все вели к нежеланному будущему.

«Агх…»

Верно. Эта свежая кровь, которая была слишком красной, оставила на моей щеке склизкое и мягкое ощущение.

«Оно горит…!»

Это пламя вспыхнуло и горело так ярко, что даже жгло глаза.

Бац!

— Ричи…?

Нацуми посмотрела на меня, когда я внезапно поднялся. Но у меня не было душевного равновесия на то, чтобы ответить этим её любопытствующим глазам.

В конце концов… В конце концов, если то, что я только что увидел не было каким-то дежавю, а было чем-то, что на самом деле произошло в реальности, умрёт ли Нацуми… опять…?

—Ха… ха-ха.

Я не мог отклонить эту возможность.

Потому что сильно стучащая по моему сердцу тревога сообщала мне об одном факте.

Что Нацуми уже несколько раз умирала.

Что я видел это много раз, но всякий раз убеждал себя, что это был просто сон.

— Эй, что случилось, Ричи. У тебя ужасный цвет лица.

Она так волновалась обо мне, но я никак не мог просто сказать ей, что всё в порядке. Мурашки на моём теле были не от зимнего холода, тем более не от плохого физического состояния.

Девочка, что сейчас нежно держала меня за руку, могла умереть. Они были из-за моей убеждённости относительно такого нереалистичного будущего.

— Нацуми.

— Что такое?

— Насчёт кануна Рождества, ты хочешь увидеть иллюминацию Пихтовой башни, что бы ни случилось?

— Что внезапно случилось?

— Пожалуйста, просто ответь мне.

— Ну, да, хочу, но почему так внезапно?

— Нет, ничего.

Я немного грубовато сел обратно и протянул руку к лежащему впереди онигири. Когда я резко укусил его, с целью отбросить свою внутреннюю тревогу, мой язык стимулировала кислота сливы. И с этим, моя голова прояснилась. До сих пор мы встречали канун Рождества на улице. В таком случае.

— Насчёт кануна Рождества, ты не придёшь ко мне?

— Ч-что? Это было так неожиданно.

— С моего балкона тоже можно увидеть Пихтовую башню. Так, разве это не чудесно?

Верно, внутри дома всё должно быть хорошо. Внутри не повалятся деревья, так что это самое

безопасное место.

— Ричи, даже для приглашения, не было ли способа чуть-чуть получше? Ах, нет, я не говорю, что мне не нравится принудительный подход. Но, эм… как же это сказать, даже у меня есть ситуация о которой я мечтаю…

Что это она говорит ни с того ни с сего? Почему у неё такое красное лицо? Я просто сказал ей, что хотел, чтобы мы провели канун Рождества у меня дома… а… так вот в чём дело.

— Прости, Нацуми. Подожди немного. Как бы это сказать, ты неправильно поняла.

— Неправильно поняла, говоришь? Но приглашение меня в гости на канун Рождества… означает это, так ведь…?

Нет, ну… может так обычно и бывает, ха!? Но сейчас не время для этого, не так ли!? Ну, то есть, не то чтобы такие мысли никогда не приходили мне в голову.

— Э-это не было моей единственной целью.

— Правда?

И как я вообще должен отвечать, когда она показывает мне эти добрые глаза. Почему сейчас нет дежавю, когда я нуждаюсь в них сильнее всего!? Может быть… потому что между нами ещё не произошло чего-то подобного.

— Ну, убрав это в сторону, ты уверен, что проведёшь канун Рождества дома?

— Ага…

Пожалуйста, хватит говорить этим мягким голосом. Это сотрясает мои желания.

Причина того, почему я сумел обрести душевное спокойствие в тот момент, заключалась в том, что глубоко внутри я верил в то, что всё будет хорошо.

Глубоко внутри, я думал оптимистично. Что сцена смерти Нацуми, которую я наблюдал трижды и перемотка времени в каждом из этих случаев были слишком нереалистичны, поэтому в конечном итоге они должны быть простым сном.

Правда, каким же я был дураком.

Несмотря на то, что реальность очень жестока и непростительна.

— Ричи, это неловко, поэтому… погаси свет.

— А-ага. Верно.

Освещение комнаты угасло вместе со щелчком. Единственным, что плохо разгоняло неожиданную темноту, были проникающий через шторы лунный свет и видимый вдалеке безвкусный торговый район. Причина, по которой я был беспокойным, вместо того, чтобы суметь расслабиться в этой комнате, с которой по идее должен был быть знаком, скорее всего, была связана с достигшим моих ушей тихим шуршанием одежды.

Колеблющееся настроение оказало влияние не только на мои уши, но и на сердце, из-за чего я вообще не мог расслабиться. Моё горло издавало резкие звуки, а сердце не могло

утихомириться вне зависимости от того, сколько глубоких вдохов я делал.

— Ричи, уже можно.

Её голос, в котором была собрана вся смелость, заставил мои плечи подпрыгнуть.

— Не смотри… слишком много.

Когда я развернулся, Нацуми стояла там, в темноте, ни в чём кроме её нижнего белья.

— П-прекрати пялиться…

— П-прости.

Её слабое требование, заставило меня в волнении отвести свой взгляд. Но там лежал свитер, который я только что снял и он наполнил меня неуместным смущением.

— …

— …

Стоя там, не проронив и слова, комната наполнилась странной атмосферой смешанной с невыносимым волнением.

Был звук сглатываемой слюны, но я не знаю, кто из нас был ответственен за него.

Но даже так, я хотя бы понимал, что нас обоих наполняло напряжение.

Я выпустил маленький вздох. Я развернулся к ней, после того как разрешил самому себе и там стояла Нацуми, обнимавшая себя в беспомощной манере.

Её белое нижнее бельё было слишком чистым, в особенности по сравнению с тёмной похотью моих основных желаний. Но большие груди, что наполняли его, распирало от сексуальной привлекательности и они были очень, очень привлекательными.

— …

Блин… я не знаю, что делать.

События привели к этой ситуации, но как мне теперь продолжать? Нет, серьёзно. Я в самом деле не знаю. Я решил сделать шаг вперёд и Нацуми затаила дыхание. Её напряжённое выражение лица вызвало во мне ещё больше нетерпения.

— Ричи.

Её влажные глаза взглянули на меня. Потрясённое её неуверенным взглядом, моё сердцебиение стало ещё громче.

— Н-Нацуми.

— Да…

— Я люблю тебя!

Моё резкое признание разнеслось эхом по комнате. Я только что признался ПОСЛЕ раздевания? Не было ли слишком резким признаться вот так? Моя тупость довела меня до слёз.

— Нацуми, я люблю тебя.

Но даже так это было что-то, что я должен был передать ей, независимо от того каким неловким или некрутым оно оказалось.

— Ричи…

Нацуми от радости засмущалась, даже от такого неуклюжего признания.

— Я люблю тебя. Я люблю тебя, Ричи.

Это случилось, когда она произнесла эти слова.

Шок, что раздался эхом во всём моём теле.

— Кья!?

— Чт!?

«Это землетрясение!» – в тот момент, когда я подумал так, книжная полка упала, словно целясь в Нацуми…

— Нацуми!

Треск!

Она издала грубый звук.

И перед моими глазами была Нацуми с вытекающей из её головы кровью.

— А?

Я издал такой идиотский возглас, смотря на её кровь, которая постепенно растекалась по ковру и так моё сознание отключилось.

***

— !?

И вот опять я вскочил и проверил свой смартфон.

22 декабря.

— Кх!

В припадке ярости я отбросил его прочь и после того как он отскочил от пола, он поскользил в угол.

— Не имейте меня, чёрт возьми!

В этот момент, я не был даже уверен в том куда был направлен мой гнев. Тем не менее, эти

абсурдные обстоятельства вынудили меня сказать что-нибудь, иначе я не сумел бы успокоиться.

— Что это за хрень. Что происходит!?

Даже мой рассерженный крик исчез в моей безжизненной комнате, никто не услышал моих слов.

На меня набросились безнадёжное чувство одиночества и пустота. Вдобавок к прохладному воздуху в моей комнате, даже моё сердце начало окрашиваться в неприветливость.

— Что… происходит…

Основываясь на моих воспоминаниях это был уже четвёртый раз… где я видел, как Нацуми умирает. И пятый раз пробуждения утром 22-го декабря.

Я больше не мог понимать это. Я понятия не имел о том, что происходит… почему это происходило со мной.

Почему она умерла даже в этой комнате. Разве она не была там? Она лежала там и кровь…

— Уг!

Когда эта сцена всплыла у меня в голове, во мне появилось сильное чувство тошноты. Я побежал в ванную комнату, склонил голову над унитазом и меня начало рвать всем, что я ел прошлой ночью.

—Уэ, хаа, хаа… Мля.

Я выдохнул, во рту ощущался рвотный вкус, когда я опустился на колени. Моя голова пульсировала от боли, снижая моё зрение. Это было оно? Был ли я теперь беспомощен, угодив в эту петлю… в эту клетку времени? Такие страхи наполняли моё существо.

—Прошу, неважно кто… хотя бы, скажите мне причину этого…

Но, увы, только кто ответил бы на эти слова? Только кто ответил бы одинокому мне в этом узком туалете…

— Хватит.

Может из-за того, что меня некоторое время рвало, я смог почувствовать что-то странное, пузырящееся глубоко внутри меня. Эта сильная, бурная эмоция закрасила напавшую до этого на мой разум тревогу.

Понятно. Я взбешён, ха.

Эта эмоция была такой же, как та, когда я проснулся.

Это был гнев к этому неразумному, абсурдному и абсолютно бессмысленному положению дел.

Что было причиной этого?

Что стало триггером и как это работало?

Задумался я, выпив воду, которую взял из холодильника.

Почему я оказался в этой ситуации, почему я так страдал?

Но информации, которой я обладал, было чересчур мало. У меня было лишь грубое представление о том, что я оказался в петле между 22 и 24 декабря.

— Это смерть Нацуми?

У меня не было доказательств. Но я уверен, что теряю сознание сразу после того, как вижу её смерть.

Эй, я не знаю, кто заставляет меня проходить через всё это, но…

— По крайней мере, покажи своё лицо.

Иначе, я вообще не могу этого понять.

Но всё-таки, я думаю, что совершил небольшой прорыв. Это определённо иррациональная ситуация, но всё же, мне просто нужно понять её.

Что это за ситуация, в чём причина и что я должен сделать для того, чтобы вырваться из текущего состояния. Для того, чтобы выяснить это, я должен действовать.

— К счастью, у меня есть несколько подсказок.

И так, я сел перед своим ПК.

Зачем? Чтобы посмотреть фильмы, разумеется.

В настоящий момент я застрял в том, что часто называют «перемоткой времени», «временными прыжками» и «петлями». Ну, если только я не сплю или не схожу с ума.

Но если я прав, тогда проблемы нет. Даже кто-то, кто не разбирается в этом, как я, знает несколько таких фильмов. Если я их посмотрю, то могу наткнуться на какую-то зацепку.

— Хотя, я должен, по крайней мере, сообщить Нацуми.

«Я себя неважно чувствую, поэтому возьму выходной».

Даже когда я отправил это короткое сообщение, я почувствовал боль, вспомнив сцену её смерти. Я был наполнен чувством долга: «Я должен сделать то, что должен, чтобы больше не позволять Нацуми умирать».

Включив компьютер, я искал фильмы, которые мог вспомнить и просматривал их один за другим. Петли, с которыми сталкивались многие протагонисты. Их мысли, их воображение, их действия. Это всё, что мне нужно было сейчас знать. Таким образом, я продолжал смотреть, молясь о том, чтобы найти среди них какую-нибудь подсказку, которая помогла бы мне.

— Ричи, ты уверен, что с тобой всё в порядке?

— Говорю же, да. Ты в самом деле беспокойный человек, Нацуми.

И вот так наступило 23-е декабря. На этот раз я, как и положено посетил школу и принял

участие в уборке всей школы. В конце концов, если бы я взял два выходных, Нацуми заволновалась бы, что что-то случилось.

— Не знаю, ты всё ещё выглядишь немного нездоровым, знаешь?

Ну, это естественно. Я с утра до ночи смотрел фильмы и продолжал смотреть вплоть до рассвета, думая о способе вырваться из этой петли.

Благодаря этому, у меня был недосып. Хотя это также подкрепляло мою отговорку о том, что вчера я себя неважно чувствовал, поэтому я не был уверен в том, что чувствовать по этому поводу.

— Не волнуйся. Это пройдёт после ночи сна.

— Правда?

Нацуми осмотрела меня взволнованным взглядом. С того момента как я пришёл в школу, она при каждой возможности спрашивала у меня как я себя чувствую.

— Вернее, вчера с тобой всё было в порядке? Если меня там не было, то тебе было не с кем поговорить, верно?

— К-конечно было!

— У тебя голос дрогнул.

— Отстань от меня, Ричи, ты дурак!

— А, погоди. Притормози, а не то поранишься.

Она проигнорировала моё предупреждение и побежала вперёд. Хотя я был тем, кто нёс его большую часть, всё же то что она смогла взбежать вверх по лестнице, со всем этим мусором в руках, было весьма достойно восхищения.

Пока я гнался за её развевающимися волосами, мы прибыли на крышу. Над нами раскинулось чистое, голубое зимнее небо, но дующий ветер был холодным и температура была не такой, при какой можно было бы продержаться только в свитере.

— Холодно.

— Эй. Давай по-быстрому бросим эти и вернёмся, хорошо?

Говоря это, она избавилась от своего мусора, сделав кучу немного больше.

— Разве она не становится слишком большой?

— Ну, за последнее время произошло много чего, вроде культурного и спортивного фестивалей.

В доказательство этому, в мусорной куче были вещи с: «Якисоба», «Дом с приведениями», «Красная команда», «Табло» и другими подобными надписями.

С тех пор как я повстречал Нацуми прошло чуть больше полугода. Мне даже показалось, что в этой куче было множество наших воспоминаний о том времени.

— Отсюда даже можно вполне ясно увидеть Пихтовую башню.

— Ага, ты права.

Причиной, по которой я пришёл сюда во время второй петли, заключалась в этом. Я знал, что отсюда мы сможем беспрепятственно увидеть Пихтовую башню.

— Надеюсь, завтра тоже будет ясно.

— Всё будет в порядке. Хотя они говорили, что послезавтра может стать немного хуже.

— Надеюсь, они не ошиблись. Эти прогнозы погоды не настолько точны.

— Сейчас уже и так достаточно холодно. Не было бы шуткой, если бы поверх этого ещё и дождь пошёл.

— Именно. Может мне стоит попросить Санту-сана об этом. «Мне не нужны твои подарки, просто дай мне завтра ясную погоду» или типа того.

— Зачем тебе просить такое. Разве не будет лучше попросить подарков?

— Э, я не слишком возражаю. В конце концов, я буду с тобой. Правильно?

Эти слова на мгновение поразили меня. Так чётко выражать свои чувства, она и впрямь сильно изменилась с тех пор, как мы встретились.

— Почему ты выглядишь так меланхолично?

— Ох, ничего. Просто подумал, что даже этот ёжик Нацуми сильно изменился.

— К-кого это ты ёжом называешь.

— Это правда, не так ли?

— Нет!

Она показала язык, после чего развернулась и ушла. Гонясь за её спиной, я развернулся, чтобы бросить последний взгляд на Пихтовую башню.

Я больше не позволю Нацуми умереть.

И вот так наступило 24-ое декабря. Как и прежде, я ждал Нацуми на месте встречи в торговом районе. Я в петле. После того, как я осознал этот факт, я не знал, что делать и всё то напряжение, которое я чувствовал во время назначения, нигде не было видно.

Отнюдь, я спокойно озирался и наблюдал за своим окружением.

Может быть где-то здесь что-то было не так? Может быть, если бы я смог найти какое-нибудь изменение, которое просмотрел в последний раз, то оно смогло бы стать подсказкой к тому, как выбраться из этой петли.

Мне казалось, будто я играю в фотоохоту.

Но фильмы, которые я посмотрел научили меня тому, что это было важно сделать для того,

чтобы выбраться из петли.

Хотя картин, касающихся временных петель было бесчисленное множество, лишь несколько из них служили в качестве справки. Большинство из них было картинами о том, как протагонисты пытались избежать того, чтобы героини встречали их трагические судьбы, начиная с небольшой угрозы и закручивая это, пробираясь к правильному пути. Вы типа какие-то детективы или что! Огрызнулся я, но, вероятно, это был лучший способ обращения с этим.

— Что это ты так серьёзно ищешь?

— Ва!?

Из-за того, что я глубоко задумался, прозвучавший сбоку от меня голос, заставил меня в удивлении подпрыгнуть.

— А ты не слишком удивился?

Ответившей таким дразнящим замечанием была сегодняшняя опоздавшая Нацуми.

— Извини. Я заставила тебя ждать?

— Вовсе нет. Это в сторону, эти вещи хорошо на тебе смотрятся.

— Д-действительно? Хи-хи, спасибо.

Не успел я оглянуться, как стал способен говорить без колебаний даже такого рода фразы. И потому, мы направились к улице, вместе гуляя по заполненному людьми торговому району.

Проводя такое весёлое время, я убедился в том, что одна вещь отпечатана у меня в голове.

Это было для того, чтобы избежать её «Я люблю тебя».

Позавчера, после того как закончил смотреть фильмы, я отчаянно размышлял. Что я должен сделать, чтобы выбраться из петли? Что было причиной этого? Почему это был я?

Однако, к сожалению, я не сумел выяснить происхождение или причину, тем не менее, когда дошло до того, как вырваться из этого, я нашёл одну маленькую, но явную подсказку.

По началу, я предполагал, что смерть Нацуми была триггером сама по себе. Однако после очень крепких размышлений об этом, я заметил, что это не так.

«Агх…»

Когда Нацуми упала, пока её рвало кровью.

«Оно горит…!»

Когда её охватил огонь.

И даже в последний раз, когда она рухнула в моей комнате, она умерла сразу же после того, как произнесла «Я люблю тебя», после чего я потерял сознание и закольцовался.

«Я люблю тебя. Я люблю тебя, Ричи».

Если эти привлекательные слова действительно были триггером, то ничего более жалкого, чем это быть не могло. Однако если произношение этих слов приводит к смерти Нацуми и закольцовыванию, тогда я должен любой ценой избегать их.

— Ричи, смотри! Разве, эти вещи не милые?

— Ага, милые.

— У тебя опять что-то на уме?

— Нет, ты выдумываешь.

— Ложь. Ты сейчас определённо замечтался. Давай же, хватит быть в таком оцепенении.

Смотря на дувшуюся Нацуми, я подумал.

«Мне действительно нужно избегать этого «Я люблю тебя» любой ценой?»

«Даже при том, что я её так люблю».

— Нет, думаю это наоборот, ха… – пробормотал я вполголоса, так чтобы идущая рядом со мной Нацуми не услышала.

Я должен избегать этих слов, как раз, потому что так её люблю. Если я не желаю ещё раз увидеть её мертвое тело, то должен избегать их, что бы ни случилось. Независимо от печали, которую это принесёт.

Таким образом, день темнел, пока мы проводили время, гуляя по улицам.

— Нацуми, давай сядем в поезд ненадолго.

— Куда мы едем?

— В одно хорошее место.

—Что это за ответ такой, – хихикнула в ответ Нацуми, когда мы сели в поезд. Он проехал по возвышенности и через окна мы смогли ясно увидеть Рождественский городской ландшафт.

Грохот поезда, когда он набирал скорость по рельсам, вызвал в моей груди тихую тревогу.

19 часов назад.

Я не знал точного времени, но даже так, этот временной промежуток должен быть тем, когда я обычно закольцовываюсь. Если я каким-то образом сумею избежать этого, то должен буду суметь также выбраться из этой абсурдной ситуации.

Но для этого, есть одна вещь, которую я должен сделать несмотря ни на что.

— Эй, Ричи. Разве не холодно?

Когда двери открылись, порыв ветра заставил Нацуми прижаться ко мне. Я взял её за руку и засунул её к себе в карман. Моё сердце начало громко биться. Её пальцы, переплетённые с моими, словно завися от меня, дали мне смелость, в которой я так нуждался.

Это была эта рука. Чтобы защитить эту самую руку, мне пришлось усилить свою решимость.

Наши отражающиеся в тёмных окнах пальцы, были бессердечными противоположностями, наполняя меня печалью. Интересно почему? Почему, хотя у Нацуми было такое нежное и счастливое выражение на лице, я смотрю в окно с таким пустым выражением?

Между нашими переплетёнными пальцами и контрастирующими выражениями на лицах, я терял из виду, то какие из них были моими истинными чувствами.

— О, следующая станция та, где твой дом, Ричи… Мы сходим на ней?

Я ответил на её окрашенные ожиданиями слова, покачиванием головы.

— …

Не произнеся ни слова, я сжал её руку в своём кармане.

Нежно, будто не ломая её.

Надеясь, что мои чувства дойдут до неё.

Прости, Нацуми.

Но знай, что то, что я собираюсь сейчас сделать отнюдь не предательство.

Я обязательно извинюсь за это позже.

Я как следует заглажу это, а если это тебя не успокоит, то ты сможешь разозлиться на меня.

Прости. Я…ч естно сожалею.

Поезд прибыл на платформу станции и двери открылись. Перед нами прошло несколько пассажиров.

— Нацуми.

— Что такое, Ричи?

Прозвучало объявление об отбытии.

— На сегодня это всё.

Я быстро разъединил наши переплетённые пальцы. И когда двери начали закрываться, я вышел на платформу. Вместо того, чтобы потащить её следом за собой, я оставил Нацуми в поезде. Кончики её повисших в воздухе и ужасно трясущихся пальцев говорили за выражение на её лице.

— Э?

Она звучала ошеломлённо, даже потеряно. И услышав его, этот голос потряс моё сердце прямо в центр, но я всё равно повернулся к ней спиной.

Я отчаянно терпел, когда поезд готовился к отправке, удерживая всей своей силой свои ноги, которые пытались вернуться к ней. Если бы я сейчас вернулся, то всё пошло бы коту под хвост.

Не забывай то, почему ты сошёл с поезда.

Ты любишь её, так ведь?

Ты не хочешь видеть, как она снова умрёт, так ведь?

Если да, то сожми свои зубы и останься на месте, Ричи!

А когда наступит завтра, я снова смогу прибежать ей на поддержку.

И тогда, я даже преклонюсь перед ней и всем своим сердцем извинюсь, говоря ей, что это была ошибка… и… и она возможно не поверит мне, но я постараюсь объяснить ей ситуацию, и…

— …

Из моего рта вырвался беззвучный шок. Почему? Я даже убедился в том, что она не успеет прийти за мной вовремя.

— Объявление: была нажата кнопка аварийной остановки, мы отправимся в путь, как только подтвердим безопасность пассажиров. Повторяю: была нажата кнопка аварийной остановки, мы отправимся в путь, как только подтвердим безопасность пассажиров.

Услышав повторяющееся объявление я посмотрел на установленный на потолке громкоговоритель в чистом потрясении.

Тепло, которое я ощутил на своей спине, сжало меня ещё сильнее. Её руки, что я оставил пустыми и повисшими, были крепко обвиты вокруг моей талии, словно они больше никогда меня не отпустят.

— Почему!?

— …

Услышав её убитый горем плач, моё сердце чуть было не разбилось.

— Скажи мне, Ричи. Я сделала что-то не так? Я тебя разозлила? Если да, то я извинюсь. Прости меня. Прости меня, Ричи.

Нет. Это не так, Нацуми. Я тот кому следует извиниться, ты не сделала ничего плохого… поэтому… поэтому…

— Не говори таким жалким голосом.

Ах, это невозможно.

Я просто не могу заставить себя так ранить её.

— Ричи, ты слишком непреклонен.

— И что с того?

Прежде чем осознал, я развернулся и крепко сжал её. Чтобы излечить боль в своём сердце… чтобы излечить печаль, которую причинил ей, даже если временно.

Но…

— Эй, Ричи. Видишь ли, мне нужно сказать тебе кое-что.

— Что такое?

Но я не должен делать этого. Такими темпами… я снова провалюсь.

— Я люблю тебя. Я люблю тебя, Ричи.

Потому что это привело бы к тому, что Нацуми бы вот так призналась. И в итоге я услышу это признание.

И когда настал этот момент, я получил своё последнее подтверждение.

Что это действительно было её признание, её «Я люблю тебя» по отношению ко мне, которое в итоге убивало её.

Что независимо от чего-либо, этот факт останется неизменным.

— Безопасность на станции была подтверждена и сейчас мы отправимся в путь. Пожалуйста, заступите за жёлтую линию.

Иначе, это не имело бы смысла, верно? С чего бы ещё начавший набирать скорость поезд, внезапно сошёл с рельсов? Зачем втягивать Нацуми, которая должна была быть в моих объятиях, в аварию, словно пытаясь украсть её у меня!?

Это не имеет смысла!

Что это за ситуация!?

Почему Нацуми… почему только её!

— ААААААААААААХХХХХХ!

Мои печальные вопли растворились в небе.

И сознание было оборвано.

***

И вот так я проснулся утром 22-го декабря в шестой раз.

Я медленно поднялся и вместо того, чтобы взять фотокамеру, я импульсивно вогнал кулак в стол. По моей руке постепенно распространилась боль.

ПОЧЕМУ!?

ПРОСТО ПОЧЕМУ!?

КАКОГО ХЕРА ЭТО ПРОИСХОДИТ!

Бам! Бам! Бам!

С каждым ударом мой гнев становился сильнее.

Бам! Бам! Бам!

Бам! Бам! Бам!

Бам! Бам…

Бам…

Когда я наконец опустил свой кулак, моя голова стала настолько холодной, будто от неё оттекла вся кровь.

После выплёскивания своего гнева, всем, что осталось было хладнокровное решение. Теперь, когда я достиг ответа, я поклялся больше никогда не повторять этого.

— Ещё раз. В этот раз, я не позволю ей признаться, что бы ни случилось.

Моя клятва была настолько противоречивой, что это почти заставило меня рассмеяться. В конце концов, я пытался предотвратить признание от той девушки, которую люблю. Как бы ты об этом не думал, можешь ли ты назвать это чем-нибудь кроме глупости?

http://tl.rulate.ru/book/37986/839273